

Джуричич Милутин

доктор, доцент факультета права
Новопазарского государственного университета,
бывший судья Конституционного Суда
Республики Сербии

Чиплич Светозар

доктор, доцент факультета права
Университета в Новом Саде,
бывший судья Конституционного Суда
Республики Сербии

ТРАНЗИЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Аннотация:

Процессы транзитуции, проходившие в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в европейских странах, считавшихся социалистическими (транзитионными), затронули и область судебной деятельности и конституционного судопроизводства. Произошли аффирмация или деаффирмация конституционного судопроизводства. Эти события, их оценка и влияние, оказываемое ими, требуют серьезного научного осмысления, особенно в части правосудия, законности и значения конституционного судопроизводства. В данной статье представлен практический опыт работы Конституционного Суда Республики Сербии в период транзитуции, начавшейся в 1990 г.

Ключевые слова:

Конституционный суд Республики Сербии, закон, правоотношение, судебная система, Закон о сверхимущество, Народная скупщина, Республика Сербия, Европейский суд.

Djuricic Milutin

Dr., Assistant Professor
at the Department of Law Sciences,
State University of Novi Pazar

Čiplić Svetozar

Dr., Assistant Professor
at the Department of Law Sciences,
State University of Novi Sad

TRANSITION AND CONSTITUTIONAL JUDICIAL SYSTEM

Summary:

The transition processes occurring in the late 1980-s – early 1990-s in the European countries, which had been considered socialistic (transitional), affected the judicial activities and the constitutional judicial system. The affirmation and the de-affirmation of the constitutional legal procedure took place. These events, their evaluation and influence require the thorough research, especially in a part of the justice, legality, value of the constitutional legal proceedings. The article presents the practical experience of the Constitutional Court of the Republic of Serbia during the period of transition began in 1990.

Keywords:

Constitutional Court of the Republic of Serbia, law, legal relationship, judicial system, Excess Property Law, Serbia's National Assembly, Republic of Serbia, European Court.

Закон о сверхприбыли, то есть Закон об одноразовом налоге на сверхдоходы и сверхимущество, приобретенные посредством использования особых привилегий [1], принятый в 2001 г., регулирует правовые отношения, возникшие в период с 1 января 1989 г. «до дня вступления закона в силу» (22 июня 2001 г.).

Закон касается только определенного круга лиц («пользовавшихся особыми привилегиями»), а не всех граждан и будущих правовых отношений. В соответствии с данным распоряжением, в частности, должен был быть удержан налог, рассчитываемый за 12-летний период до вступления закона в силу.

Последствия этого закона делятся до сих пор, взысканы значительные суммы денег, а инициированные в связи с этим судебные процессы все еще не закончены и вероятно из бюджета будут выплачены огромные денежные средства в возмещение нанесенного ущерба.

Предпринимались попытки указать на то, что закон полностью ретроактивен и противоречит Конституции Республики Сербии. Были упомянуты и решения Конституционного Суда, в которых не было установлено, что спорный закон наделяется обратной силой и противоречит Конституции Республики Сербии; были приведены и примеры из судебной практики Европейского суда по правам человека, противоположные правовой позиции Конституционного Суда Республики Сербии, которую он занял в этом конкретном случае в отношении прав человека.

В настоящей работе указывается на ретроактивный характер законодательного акта (Закона о одноразовом налоге на сверхдоходы и сверхимущество, приобретенные посредством использования особых привилегий), правовые последствия которого сказываются до сих пор. Помимо нарушения равноправия граждан, спорный закон нанес огромный материальный ущерб с непредсказуемыми последствиями.

Считается, что законы чаще всего отражают содержание и сущность государственно-правового устройства и имеют пространственные и временные ограничения (действие их обычно имеет силу до принятия нового законодательного акта и распространяется на территории определенного государства).

В теории права общепринято считать, что закон, после его принятия и вступления в силу, применяется исключительно к отношениям, возникшим после его вступления в силу (*pro future*) [2]. Если определенные общественные отношения регулировались некоторым способом прежним законом, возникает вопрос их разграничения во времени. В этом случае новый закон признает все правовые действия, произведенные на основании прежнего («старого закона»), но связь, возникающая после вступления в силу нового закона (ранее регулировавшиеся предыдущим законом) регулируются новым законом. Известны случаи, когда в таких ситуациях новый закон применялся в течении определенного периода и к отношениям, регулировавшимся «старым законом», из-за разграничения этих законов во времени. Подобная ретроактивная ситуация (*retro agere*), то есть практическое продолжение срока действия прежнего закона и его положений, может наступить в том случае, если это установлено новым законом. Предварительное установление срока его действия (обусловленное теориями конфликта законов во времени) относится к так называемым сукцессивным законам.

В правовой системе Республики Югославии, а также Республики Сербии, в период с 1946 по 2006 г. срок действия законов регулировался конституционным законодательством. В п. 1 ст. 197 Конституции РС, принятой в 2006 г. [3], установлено, что «Законы и другие нормативные правовые акты не могут быть наделены обратной силой. Только законом может быть установлено (по мотивам общественной необходимости на момент принятия закона), что отдельные его положения наделяются обратной силой».

В ст. 113, 196 и 197 Конституции Республики Сербии регулируется порядок принятия законов, установления сроков их действия, опубликования и вступления в силу в соответствии с общепринятыми правовыми принципами.

В Конституции США в п. 3 с. 1 разд. 9 по поводу ретроактивности закона говорится: «Не может быть принят закон о лишении гражданских прав или закон, наделенный обратной силой» [4].

Приведенные положения Конституции указывают на то, что срок действия законов ограничен, то есть они могут действовать в течение определенного срока и в границах определенной территории, не являясь ни абсолютными, ни универсальными. Срок действия закона не безграничен, закон действует только до принятия нового нормативного правового акта, регулирующего отношения тем же или иным способом. Если бы закон не применялся к отношениям, возникающим после его вступления в силу, то есть не был бы рассчитан на будущее, не было бы правовой определенности. Следовательно, каждый должен соблюдать и применять действующие, а не будущие законы [5].

После принятия закона он должен быть официально опубликован в доказательство его идентичности – аутентичности и соответствия Конституции. Подобная публикация и обнародование закона важны для юридической констатации того, что субъекты ознакомились с его содержанием и обязаны в будущем соблюдать его положения. «Незнание закона не является оправданием» и никакие жалобы о незнании закона не берутся во внимание, поскольку предполагается, что все имели возможность и были обязаны ознакомиться с его содержанием. В целях реализации и применения этого начала (знания правового акта) закон вступает в силу по прошествии определенного периода после его официального опубликования, для того чтобы обеспечить возможность с ним ознакомиться. Период между обнародованием и вступлением закона в силу (*vacatio legis*) обычно длится 8 дней, если по оправданным причинам не установлен иной порядок его введения.

Принятый закон применяется к отношениям, возникающим после его вступления в силу (*pro future*), вплоть до прекращения его действия, то есть до принятия нового закона, регулирующего те же отношения.

I. Неретроактивность норм. В теории права существует множество подходов к вопросу разграничения во времени действия старых и новых законов, а также расхождение во мнениях по поводу теорий, отстаивающих ретроактивность отдельных положений закона, то есть продолжение действия старого закона. Существуют различные теоретические разработки понятия ретроактивности – в зависимости от того, основываются ли они на автономии воли, общественной необходимости, индивидуалистической философии, коллективном подходе или философской и идеологической ориентации. Ни одна из теоретических дискуссий не была посвящена вопросу обратной силы закона (как закон, о котором говорится) в смысле его действия только «до периода вступления <...> в силу». Авторы настоящей работы, несмотря на все приложенные усилия, не

смогли найти в мировой практике ни одного подобного примера. Однако имеется множество мнений видных зарубежных и отечественных теоретиков, считающих, что закон не может и не должен быть наделен обратной силой [6].

Принципу обратной силы закона посвящено много работ и документов, например, в древнегреческом и римском праве царскими конституциями устанавливалось новое право (*ius novum*), а многочисленные другие (*leges*) были ограничены сроком их действия [7].

В Кодификации Юстиниана недвусмысленно запрещалось применять закон в отношении к прошедшим ситуациям (Новелла 22) [8].

В законодательстве всех европейских стран в XIX–XX вв. был закреплен принцип запрещения наделения законов обратной силой, являвшийся достоянием цивилизованных народов (Гражданский кодекс Франции – ст. 2, Австрийский гражданский кодекс – параграф 5, Гражданский кодекс Сербии – параграф 7, первая сербская Конституция, принятая в 1835 г. – ст. 8 – эксплицитно запрещают применение ретроактивных норм).

Если закон применяется к отношениям, возникшим до его вступления в силу, значит имеет место принцип обратной действия закона, возвращение в прошлое. Если закон регулирует отношения, возникшие только в прошлом (как в рассматриваемом случае), – это практически означает, что он применяется «задним числом» (*retro agere*), нарушая законные права, о чем подробно писал наш уважаемый профессор Тома Живанович [9].

II. Принятие Конституционным судом Республики Сербии решения по поводу оценки конституционности «Закона о сверхприбыли». Рассматриваемый Закон [10] был принят на основании Конституции 1991 г. (выше цитировано положение из ст. 121), а в ст. 2, п. 1 спорного закона в последнем предложении говорится: «...до вступления в силу настоящего Закона». Из этой формулировки всем юристам и неюристам ясно, что Законом регулируются отношения, возникшие в прошлом (*retro agere*), а не в будущем (*pro future*), что представляет собой вклад в развитие юриспруденции, так как подобного случая в истории судебной практики не было. Являлось ли это целью Закона? Нет сомнения, что законодатель не намеревался обогащать юридическую литературу подобными новшествами (правовыми абсурдами).

Конституционный Суд должен был выяснить, соответствовал ли спорный закон во время его действия Конституции Республики Сербии, на основании которой и был принят. Действующий тогда состав Конституционного Суда (2004 г.) не имел единого мнения по поводу этого юридического вопроса. Из восьми судей четверо считало, что Закон соответствует Конституции Республики Сербии, а другая половина (четверо) имела противоположное мнение. Народной скупщиной в то время не было предоставлено доказательство, на основании которого спорный закон был бы наделен обратной силой по мотивам общественной необходимости.

Новый состав Конституционного суда (2008 г.) принял скандальное решение по поводу спорного Закона [11], так как в тексте решения не указал, относительно какой Конституции положение рассматриваемого Закона не соответствует. То есть, если имеет место принятие решения по поводу предложений, по которым суд не принял заключение, хотя должен был, ему необходимо было оговорить это в тексте решения. Существует мнение суда о том, что «нет условий для выявления несоответствия Закона Конституции, которая утратила силу». Если решение относилось к действующей Конституции (2006 г.), то Конституционный суд как орган «стоящий на защите конституционности, законности, прав и свобод человека», должен был принять решение по внесенным ранее предложениям и инициативам и выяснить, мог ли закон производить правовое действие (до 14 июля 2011 г., то есть до опубликования решения Конституционного суда Республики Сербии в «Служебном вестнике Республики Сербии»). Только таким образом Конституционный суд мог выступить в роли органа-защитника конституционности, законности, прав и свобод человека.

Рассматриваемый закон нарушает следующие конституционные принципы:

1. Принцип равенства и равноправия граждан, гарантируемый ст. 13 «старой» и ст. 15 «новой» Конституции РС, так как касается периода только с 1 января 1989 г. до вступления Закона в силу, то есть до 22 июня 2001 г. Это значит, что данный нормативно-правовой акт касается только определенного круга лиц, пользовавшихся особыми привилегиями, а не всех лиц, получивших доход и приобретших имущество в тот период. Это классический пример нарушения равноправия граждан, особенно если иметь в виду, что Закон регулирует ситуации и отношения, возникшие и закончившиеся до вступления его в силу, а не правовые отношения в будущем (*pro future*).

2. Принцип конституционности и законности прав и свобод человека (ст. 197 п. 1 действующей Конституции РС и ст. 121 п. 1 и п. 2 Конституции, принятой в 1990 г.), так как Народной скупщиной Республики Сербии не было формально подтверждено наличие мотивов общественной необходимости для наделения закона обратной силой, что ясно указывает на то, что спорное положение является формально неконституционным, а следовательно и Закон в целом.

Следует отметить, что во время принятия спорного Закона Республика Сербия являлась членом Союзной Республики Югославии и рассматриваемый Закон противоречил ст. 117 Конституции СРЮ.

Не будем отдельно аргументировать остальные положения Закона, которые, как и он весь, являются неконституционными и не могут быть реализованы, а также регулируемые Законом отношения, в которых налог становится средством санкционирования «морально неприемлемого поведения, то есть пользования особыми привилегиями» (взымается налог за 12-летний период до вступления данного нормативно-правового акта в силу).

Некоторые примеры нарушения прав человека, выявленные судебной практикой Европейского суда по правам человека, показывают меру несоответствия спорного закона европейскому правовому пространству и в какой мере Конституционный Суд РС способствовал продолжению его действия.

Рассмотрим следующие примеры:

– Закон противоречит ст. 6 Европейской конвенции по правам человека. Европейский суд по правам человека по делу «Делкур против Бельгии» вынес следующее решение: «В демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство, в том смысле, которым его наделяет Конвенция, настолько важно, что рестриктивное толкование ст. 6 п. 1 не соответствует цели этого положения» [12].

– Подчеркиваем, что Европейский суд во многих случаях (36–40) установил, что права и обязанности частных лиц в их взаимных отношениях являются правами и обязанностями граждан (ст. 6 предусматривает справедливое и открытое судебное разбирательство). В п. 1 ст. 6 Конвенции говорится об открытом характере судопроизводства в целях защиты сторон от его тайной формы [13].

Публичного обсуждения в присутствии стороны, выступившей с инициативой и подавшей предложение Конституционному суду, конечно же не было.

Право на справедливое судебное разбирательство предполагает наличие состязательного процесса, в котором стороны имеют право на ознакомление с полным комплектом документов и его обсуждение [14].

Действия Конституционного суда противоречат ст. 2 Протокола 1 Европейской конвенции по правам человека, в которой говорится, что «любое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как по мотивам общественной необходимости и в предусмотренных Законом случаях, при соблюдении принципов международного права. Судом установлено, что при всяком вмешательстве в право собственности должно соблюдаться справедливое равновесие, а применяемые средства должны быть соразмерны преследуемым целям» [15].

Спорный закон не только должен был применяться в течение определенного периода («до вступления в силу»), но также и ограничивал круг лиц и правовых отношений, к которым должен был применяться, что противоречит ст. 1 Протокола 1 и ст. 14 Конвенции, в которых «гарантируется пользование правами и свободами, предусмотренными Конвенцией без дискриминации на любом основании». Это означает, что не должно быть никакой разницы в осуществлении прав и свобод, гарантируемых Конвенцией.

Приведем пример компенсации за отчужденное имущество и нарушения имущественных прав со стороны государства на основании ретроактивного Закона, поскольку принятые государством меры не совершались по мотивам общественной необходимости [16], а попытки оправдания подобного решения [17] явились «еще одним примером неудавшегося аргументирования того, что законодательные меры, в результате которых истцы лишены их имущества, были предприняты по мотивам общественной необходимости». Истцы, однако, оказались правы, утверждая, что конфискация всей собственности в Греции, без выплаты какой-либо компенсации, была несоразмерной и суд на основании этого вынес решение о нарушении ст. 1 Протокола 1.

Приведем пример Резолюции Европейского парламента от 29.03.2012 г. о процессах европейской интеграции Сербии (2011/2886(РСП)), в которой в п. 13, в частности, говорится: «обратить внимание на обнаруженные нарушения <...> избегать процессов, предполагающих ликвидацию и банкротство частных компаний, вызываемых непомерно высокими налогами, взыскиваемыми ретроактивно».

В п. 19 названной Резолюции (п. 13) говорится: «сербские власти призываются к немедленному пересмотру случаев спорной приватизации и продажи 24 компаний, вызывающих серьезные сомнения у Европейской комиссии в смысле их законности <...> обеспечению реституции частной собственности и предотвращению незаконного приобретения государственной собственности в частных интересах».

В проекте новой Резолюции Европейского парламента в п. 20 Министерство юстиции и Конституционный суд призываются к немедленному прекращению избирательного применения спорного закона.

Приводя примеры судебной практики Европейского суда по правам человека и некоторых положений Резолюции Европейского парламента от 29.03.2012 г., мы хотели показать, что наше мнение по поводу абсурдности Закона о однократном налоге на сверхдоходы и сверхимущество, приобретенные посредством использования особых привилегий и абсурдности решения Конституционного суда РС, почти полностью совпадает с правовой позицией двух наивысших правовых и законодательных Европейских институций.

Состав Конституционного суда Республики Сербии в 2006 г. был выбран в результате договора Президента РС с премьер-министром РС, полностью контролировавших парламентарское большинство (как председатели партий). Вероятно поэтому суд в том составе так никогда и не занял позицию («как защитник конституционности и законности») по поводу принятия действующей Конституции (была принята в последний день установленного для этого срока). Членам парламента текст роздали около 14 ч, так что времени для ознакомления с ним не было. Конституция была принята в тот же день около полуночи, опубликована и вступила в силу в течение той же ночи, а за 15 мин до наступления полуночи, то есть до истечения крайнего срока для выборов Правительства РС, был принят закон о Правительстве РС. К сожалению, все это имеет место, но Сербия в течение одного дня имела два Правительства, так что вопрос о законности актов, принятых в тот день, весьма спорен. Все это безусловно и являлось причиной выбора нового состава Конституционного суда, который должен был быть более сговорчивым как предыдущий [18].

Все приведенное выше имеет своей целью указать на реальное предположение, почему Конституционный суд, принимая спорное положение, больше внимания уделял политическими обстоятельствами, чем вопросам законности и конституционности спорного закона.

При принятии Закона о однократном налоге на сверхдоходы и сверхимущество, приобретенные посредством использования особых привилегий, была выделена цель: «обложение налогом тех, кто пользовался особыми привилегиями», то есть исправление допущенных в прошлом несправедливостей, выражавшихся в неравноправии условий для осуществления экономической деятельности, приобретении доходов и имущества на основании привилегий, злоупотреблениях в ходе приватизации, нецелевом использовании государственных фондов и бюджетных средств, а также общем неравноправии граждан в предыдущем политическом периоде, то есть до 2000 г.

Преследуя поставленные цели, закон, вернее его ключевые положения, поставили под угрозу Конституцию РС, провозглашенное и гарантируемое право на равенство и равноправие. Задав целью исправить «задним числом» несправедливости прошлого, законодатель создал возможность для совершения новых несправедливостей.

Ст. 2 оспоренного закона имела ограниченный срок действия, поскольку была посвящена регулированию налога на сверхдоход и сверхимущество, приобретенные за счет «использования особых привилегий» при «условиях, которые не были доступны всем лицам» в период с 1 января 1989 г. до дня вступления закона в силу – 22 июня 2001 г.

Таким образом, закон касался не всех юридических лиц, а лишь определенного или определяемого числа человек, которые «пользовались особыми привилегиями». В этом законе налогоплательщиками не являются лица, «которые пользовались особыми привилегиями» до 1 января 1989 г. или после 22 июня 2001 г., хотя и они могли находиться в таком же правовом положении, как и физические и юридические лица, попавшие под удар закона. Подобным правовым регулированием законодатель поставил под угрозу и ограничил одно из главных конституционных начал – равноправие граждан.

Норма ст. 2 п. 1 оскорбляет начало равноправия граждан и имеет специфическое обратное действие. Подчеркиваем, что правовые положения и нормы не были заранее известны всем лицам, чтобы они могли ознакомиться со своими правами и обязанностями, то есть не имели возможности свои действия привести в соответствие с положениями закона. Законодатель таким образом грубо нарушил конституционное начало верховенства закона.

Следует отметить, что Народная скупщина Республики Сербии формально не подтвердила наличие мотивов общественной необходимости для наделения закона обратной силой, что говорит о его формальной неконституционности.

Конституционный суд РС как «защитник конституционности и законности» не установил своим решением ретроактивный характер положений спорного закона, а должен был предвидеть их реальные последствия и, особенно, их влияние на закон в целом. Рассмотренные ретроактивные положения привели к тому, что весь нормативно-правовой акт стал ретроактивным и должен был быть признан неконституционным и как таковой удален из системы правового регулирования

ния Республики Сербии. Решение Конституционного суда РС способствовало тому, что последствия, вызванные спорным законом, смогли продолжаться до 14 июля 2011 г. (до дня опубликования решения Конституционного суда РС), вместо установления того, что во время действия спорного закона он не соответствовал Конституции РС.

Ссылки и примечания:

1. Закон о једнократном порезу на екстра доходак и екстра имовину стечених искоришћавањем посебних погодности («Службени гласник РС» бр. 36/01).
2. Правни лексикон. Београд, 1970. С. 831.
3. Службени гласник РС. Број. 98/07. 10.11.2006.
4. Fuller Lon L. The morality of law. 1969. P. 51.
5. Перовић С. Ретроактивност закона и других општих аката. Београд, 1987. С. 197–235.
6. В качестве примера приведем работы только двух наших выдающихся теоретиков: Гершић Г. Теорије о повратној сили закона: гласник српског ученог друштва. Београд, 1883. Књ. 54. С. 1–94; Тасић Ђ. Закон нема повратне силе // Архив за правне и друштвене науке. 1932. XXV. С. 413–431.
7. Хорват. Римско право. Загреб, 1958. С. 59–62.
8. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: учеб. для вузов. М., 1999. С. 110–112.
9. Систем систематике правне филозофије. Београд, 1959. С. 242–252.
10. Закон о једнократном порезу ...
11. Саопштење са 30. редовне седнице Уставног суда Републике Србије, одржане 14.07.2011, којом је председавао др Драгиша Слијепчевић, председник Уставног суда.
12. Делкурт против Бельгии (Delcourt v. Belgium) жалоба №2689/65 // Постановление от 17 января 1970 г. Series A. № 11. § 31. URL: http://european-court.eu/uploads/ECHR_Delcourt_v_Belgium_17_01_1970.pdf (дата обращения: 22.04.2014).
13. Axen v. The Federal Republic of Germany (Application № 8273/78). Judgment. Strasbourg, 8 December 1983 URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57426> (дата обращения: 22.04.2014).
14. Riuz-Mateoz v. Spain (Application № 12952/87). Judgment. Strasbourg, 23 June 1993. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-5783> (дата обращения: 22.04.2014).
15. Дело «Бывший Король Греции (the former King of Greece) и другие против Греции». 2000. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382136/17526982/> (дата обращения: 22.04.2014).
16. Сколло против Италии (Scollo v. Italy): Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 сентября 1995 г. (жалоба № 19133/91). URL: http://european-court.eu/uploads/ECHR_Scollo_v_Italy_28_09_1995.pdf (дата обращения: 22.04.2014).
17. Дело «Бывший Король Греции ...
18. См.: Решение Конституционного суда РС о слиянии фирм «Пекабета» и «Макси», то есть «Делта».

References and notes:

1. Disposable income additional income and property acquired through the use of special benefits ("Official Gazette of RS", no. 36/01).
2. *Legal vocabulary* 1970, Belgrade, p. 831
3. Official Gazette 2006, no. 98/07, 10.11.
4. Fuller Lon, L 1969, *Moral law*, p. 51.
5. Perovic C. Retroactivity of laws and other general acts. Belgrade, in 1987. Pp. 197-235.
6. As an example the work only two of our outstanding theoretics: Geršić, G 1883, *Theory of the restoring force of the law: Bulletin of the Scientific Society of Serbia*, Belgrade, vol. 54, p. 1-94; Tasic, DJ 1932, 'Law has no force feedback', *Archives for Legal and Social Sciences*, XXV, p. 413-431.
7. Horvat 1958, *Roman law*, Zagreb, p. 59-62.
8. Puhan, I & Polenak-Akimovskaya, M 1999, *Rome law: studies*, Moscow, p. 110-112.
9. *System systematic philosophy of law* 1959, Belgrade, p. 242-252.
10. Disposable income additional income and property acquired through the use of special benefits ("Official Gazette of RS", no. 36/01).
11. Press release of 30 ordinary session of the Constitutional Court of the Republic of Serbia, held on 14.07.2011, which was presided over Dragiša Slijepčević, Chairman of the Constitutional Court.
12. 'Delcourt v. Belgium abuse number 2689/65' 1970, *Decree of 17 January 1970*, Series A. № 11. § 31, retrieved 22 April 2014, <http://european-court.eu/uploads/ECHR_Delcourt_v_Belgium_17_01_1970.pdf>.
13. *Axen v. Federal Republic of Germany (Application no. 8273/78)* 1983, Court. Strasbourg, November 8, 1983, retrieved 22 April 2014, <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57426>>.
14. *Riuz-Mateoz v. Spain (Application no. 12952/87)* 1993, Court. Strasbourg, 23 June 1993, retrieved 22 April 2014, <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-5783>>.
15. *Case Former King of Greece and the others v. Greece* 2000, retrieved 22 April 2014, <<http://docs.pravo.ru/document/view/19382136/17526982/>>.
16. *Scollo v. Italy: Judgment of the European Court of Human Rights on 28 September 1995 (Application no. 19133/91)* 1995, retrieved 22 April 2014, <http://european-court.eu/uploads/ECHR_Scollo_v_Italy_28_09_1995.pdf>.
17. *Case Former King of Greece and the others v. Greece* 2000, retrieved 22 April 2014, <<http://docs.pravo.ru/document/view/19382136/17526982/>>.
18. See: Decision of the Constitutional Court of RS merger firms "Pekabeta" and "Maxi", i.e. "Delta".